

Гу Цинфэн от неожиданного толчка врезался в обувную тумбу. Прикрывая рукой поясницу, он медленно пришёл в себя, поднял на него взгляд и произнёс:

— Чэн Цзиньнянь, я здесь тебе не рад. Не мог бы ты больше не появляться у меня на глаза?

Услышав это, Чэн Цзиньнянь вспыхнул — в его чёрных глазах на мгновение мелькнули две злые искры. Гу Цинфэн невольно отступил на шаг, но Чэн Цзиньнянь всё же успел схватить его за руку и с размаху впечатал в стену.

Опасаясь новых проявлений насилия, Гу Цинфэн инстинктивно прикрыл живот.

Ему совсем не улыбалось после выписки снова угодить на больничную койку.

— Чэн Цзиньнянь, давай поговорим нормально. Неужели ты не можешь избавиться от привычки распускать руки по любому поводу?

Руки Чэн Цзиньняня, сжимавшие его предплечье, вдруг напряглись с такой силой, что тело Гу Цинфэна слегка задрожало.

— Гу Цинфэн, ты кем себя возомнил?

Стерпев боль, Гу Цинфэн шумно вдохнул воздух:

— Я никем себя не возомнил. Просто хочу напомнить господину Чэну, что мы уже развелись. К чему это бесконечное преследование? Ты что, заставляешь меня сомневаться, не влюбился ли ты в меня часом?

Неизвестно, какие именно слова пришлось не по нраву Чэн Цзиньняню — он резко разжал пальцы и отскочил от него, словно обнаружил заразную болезнь, стараясь держаться как можно дальше.

— Гу Цинфэн, ты действительно глуп, как и прежде, зато твоя способность выдавать желаемое за действительное растёт с каждым днем.

Гу Цинфэн криво усмехнулся:

— Благодарю за комплимент. А теперь, если у тебя нет дел, будь добр уйти. У меня нет времени тебя развлекать.

Получив от ворот поворот во второй раз, Чэн Цзиньнянь с яростью уставился на него, страстно желая прихлопнуть пощёчиной.

— Чэнчэн в больнице.

Услышав это, Гу Цинфэн улыбнулся ещё шире:

— Раз он в больнице, почему ты не ухаживаешь за ним там, а бегаешь ко мне и сходишь с ума? Если Гу Цинчэн узнает, что ты у меня, он наверняка придёт в бешенство, верно?

— Ты думаешь, все вокруг такие же, как ты? — холодно бросил Чэн Цзиньнянь. — Хватит прикидываться дурачком. Из-за чего Чэнчэн попал в больницу, тебе ли не знать? Если бы ты в тот день его не похитил, разве у него случился бы приступ?

Гу Цинфэн понимал всё меньше и меньше:

— Что ты несёшь? Когда это я его похищал? Это он тебе сам сказал? У него часом не мания преследования?

Чэн Цзиньнянь холодно усмехнулся:

— Гу Цинфэн, черт побери, прекращай строить из себя невинность.

подавив желание закатить глаза, Гу Цинфэн ответил:

— Чэн Цзиньнянь, я понятия не имею, что тебе наплел Гу Цинчэн. Но я точно не занимаюсь такой ерундой, как ты говоришь. Я и сам бы рад в этой жизни больше никогда не видеть Гу Цинчэна, с какой стати мне его похищать?

Изначально Гу Цинфэн вовсе не собирался оправдываться, но стоило ему вспомнить бред, который нёс Гу Цинчэн, как его терпение лопнуло.

Хотя было очевидно, что даже если он станет объяснять, Чэн Цзиньнянь всё равно ему не поверит.

Разумеется, Чэн Цзиньнянь и не думал ему верить. Для него каждое слово Гу Цинчэна было абсолютной правдой, а всё, что говорил Гу Цинфэн — сплошной ложью.

В конце концов, в глазах Чэн Цзиньняня он навсегда останется злобным, коварным и подлым людишкой.

При этой мысли Гу Цинфэн внезапно рассмеялся. Подумать только: сколько лет он любил Чэн Цзиньняня, столько лет тот его и подозревал.

То ли Гу Цинчэн слишком сильно промыл Чэн Цзиньняню мозги, то ли он сам по себе действительно был настолько изворотливым человеком.

Увидев усмешку Гу Цинфэна, Чэн Цзиньнянь, чей вспыльчивый характер воспламенялся от малейшей искры, сорвался с цепи. Его голос прозвучал леденяще:

— Чего ты смеешься?

Стерев с лица улыбку, Гу Цинфэн произнёс:

— Ничего. Повторяю ещё раз: если у господина Чэна нет дел, прошу на выход. Мне действительно некогда с тобой возиться.

Чэн Цзиньнянь презрительно фыркнул:

— Некогда возиться? Ну да, всё твоё время уходит на то, чтобы соблазнять других мужиков.

Он уже почти забыл ту сцену в больнице, но сейчас, услышав слова Гу Цинфэна, Чэн Цзиньнянь мгновенно вспомнил, как сегодня Гу Цинфэн и Чэн Но вместе крутились в больнице.

Вспомнил он и то, как Гу Цинфэн с медовой улыбкой говорил Чэн Но, что у того неплохо получается готовить и он будет носить ему еду.

Чем больше думал Чэн Цзиньнянь, тем сильнее закипал. За три года их брака он даже не знал, что Гу Цинфэн умеет готовить, не говоря уже о том, чтобы тот носил ему обеды.

Ослеплённый ревностью, Чэн Цзиньнянь совершенно забыл о тех правилах, которые сам же установил для Гу Цинфэна в начале их брака.

Одно из них гласило: ему категорически запрещалось появляться в его компании.

Слова о соблазнении других мужчин прозвучали для Гу Цинфэна как дурацкая шутка:

— Господин Чэн, соблазняю я мужчин или нет — это моё личное дело.

Лицо Чэн Цзиньняня почернело от гнева. То ли у него снова начался приступ бешенства, то ли нашло какое-то помутнение, но он впился зубами прямо в шею Гу Цинфэна.

Тот самый шрам от прошлого укуса едва успел зажить, как его снова цапнули.

С усилием оттолкнув его, Гу Цинфэн прикрыл шею рукой и взревел:

— Ты чёрт побери, совсем больной на голову?! Чэн Цзиньнянь заключил его в объятия, вжав в себя, вцепился в его волосы и хрипло произнес:

— Гу Цинфэн, вся эта твоя прежняя мягкость и покорность ведь были показухой, да? Прошло всего несколько дней после развода, а ты уже, твою мать, только и ждешь, как бы закадрить другого мужика. До чего же ты дешевка!

— Чэн Цзиньнянь, ты вообще потерял стыд? Сам-то помнишь, что мы уже развелись? Раз мы разведены, я имею полное право общаться с любым мужчиной, какое тебе дело? И вообще, ты сам помолвлен с Гу Цинчэном, но при этом лезешь учить меня жизни — не находишь, что это уже чересчур?

Чэн Цзиньнянь вдруг легко прикусил его за подбородок и пробормотал:

— Чересчур? Похоже, в тот раз я плохо вдолбил тебе, как надо себя вести.

С этими словами Чэн Цзиньнянь попытался сорвать с него одежду.

При воспоминании о событиях того дня Гу Цинфэн испытал дикий ужас. Он изо всех сил отталкивал его обеими руками, но сдвинуть с места не смог.

А руки Чэн Цзиньняня тем временем уже проскользнули под его одежду, грубо и властно вгоняясь внутрь.

Гу Цинфэн судорожно вдохнул от боли:

— Вытащи... м-м...

Уголки губ Чэн Цзиньняня изогнулись в ухмылке, а рука продолжала бесчинствовать:

— Разве тебе не кайфово?

Гу Цинфэн до крови закусил нижнюю губу, заерзал в его объятиях, пытаясь вырваться из мертвой хватки:

— Да пусти ты меня, твою мать, извращенец! Псих!

Чэн Цзиньнянь, изначально не собиравшись отпускать его, а услышав это, лишь усилил нажим, отчего Гу Цинфэн задрожал всем телом.

Сжав зубы и сам не понимая, откуда в нем взялась такая храбрость, Гу Цинфэн залепил Чэн Цзиньняню пощечину.

— Пошел вон!

Похоже, Чэн Цзиньнянь был настолько ошеломлен, что его рука замерла на месте. Воспользовавшись моментом, Гу Цинфэн выдернул свои руки, со злостью оттолкнул его подальше, бросился в спальню и наглухо запер дверь изнутри.

Опомнившись, Чэн Цзиньнянь подошел к двери спальни и со всего маху врезал по ней ногой:

— Гу Цинфэн, твою мать, смелости набрался! С каких пор ты смеешь поднимать на меня руку? А ну выходи!

Гу Цинфэн сидел на полу спальни, обхватив голову руками так, что запястья закрывали уши. Он заставлял себя не слушать истеричные крики Чэн Цзиньняня.

Шло время, сколько именно — он не знал. Вскоре посчастливилось услышать, как хлопнула входная дверь, а в квартире воцарилась тишина. Послушав еще немного у двери, Гу Цинфэн решил, что Чэн Цзиньнянь ушел, и втайне с облегчением выдохнул.

Но стоило ему приоткрыть дверь спальни, как он увидел мрачную фигуру Чэн Цзиньняня, стоявшую прямо на пороге.

Он инстинктивно попытался захлопнуть дверь, но Чэн Цзиньнянь молниеносным движением перехватил косяк, оставив узкий зазор.

Гу Цинфэн захлопывал дверь почти изо всех сил — он даже расслышал глухой стук, с которым край полотна пришелся по руке мужчины. Однако Чэн Цзиньнянь не издал ни звука, и эта сплошь окровавленная рука силой распахнула дверь обратно.

Уставившись на его руку, Гу Цинфэн в ужасе попятился назад.

Он был уверен, что на этот раз ему точно конец. После того как он так сильно задел Чэн Цзиньняня, тот непременно станет мстить, а то и врежет ему, как в прошлый раз.

Не говоря ни слова, Чэн Цзиньнянь надвигался на него шаг за шагом, пока не загнал в угол, после чего процедил со злобой:

— Чего же ты не прячешься? Что вдруг перестал?

Взглянув на его лицо, Гу Цинфэн внезапно смирился с неизбежным.

— Чэн Цзиньнянь, чего ты добиваешься? Клянусь, я никогда не делал ничего плохого по отношению к тебе. Почему ты так упорно пытаешься причинить мне боль? Неужели дело только в Гу Цинчэне?

Заметив, как выражение лица Чэн Цзиньняня слегка смягчилось, он продолжил:

— Чэн Цзиньнянь, отпусти меня. И отпусти себя самого, умоляю.

Чэн Цзиньнянь молча смотрел на него какое-то время, затем целой рукой неожиданно коснулся его щеки и вдруг безумно рассмеялся:

— Гу Цинфэн, я понятия не имею, как отпустить самого себя. С чего ты взял, что я смогу отпустить тебя?

Не успел Гу Цинфэн опомниться и на секунду, как Чэн Цзиньнянь притянул его за талию и впился в губы поцелуем, лишая его последних сил дышать.

Наконец Чэн Цзиньнянь медленно отстранился, поглаживая его по лицу целой рукой, и тихо произнес:

— На самом деле, заставить меня отпустить тебя возможно. Но ты должен пообещать мне одну вещь.

— Какую?

— У Цинчэна почечная недостаточность, ему требуется пересадка. Я консультировался с врачами: вы — близнецы, и шанс на успешную совместимость очень высок. Так что помоги мне спасти Цинчэна. Как только операция пройдет успешно, я отпущу тебя и больше никогда не стану докучать.

У него всего лишь забрали одну почку.

Услышав это, Гу Цинфэн широко распахнул глаза, словно не до конца уловив смысл слов Чэн Цзиньняня.

Заметив это, Чэн Цзиньнянь повторил снова:

— Из-за того падения с лестницы в прошлом году у Цинчэна не только сломаны ноги — пострадали многие внутренние органы, что привело к прогрессирующей почечной

недостаточности. Врачи говорят, что необходима операция, иначе разовьется уремия. Гу Цинфэн услышал эти слова, и его тело невольно подалось назад, однако он тут же упёрся спиной в стену. Отступить было некуда — Чэн Цзиньнянь заключил его в кольцо своих рук.

— Я ничего не понимаю, не говори мне об этом.

— Гу Цинфэн, ты всё прекрасно понимаешь. Не забывай, что в тот раз Чиньчэн упал с лестницы из-за тебя, и ты должен понести половину ответственности за случившееся.

— Это не я... не я... Он ведь сам...

— Гу Цинфэн! — Чэн Цзиньнянь сжал его подбородок. Во взгляде мужчины на мгновение промелькнула мягкость, а резко возвысившийся голос вдруг упал до тёмного шёпота: — Сейчас спасти его можешь только ты.

Гу Цинфэн покачал головой:

— Нет... Я не могу... Я не могу... Не приходи ко мне... Больше не приходи ко мне...

— Цинфэн, если ты только согласишься спасти его, я выполню любое твоё желание.

Тёмные, непроглядные глаза Чэн Цзиньняня в упор смотрели на него. В этот момент он казался донельзя нежным и преданным, но Гу Цинфэню Чэн Цзиньнянь напоминал прекрасный, но смертельно ядовитый цветок мака, к которому было страшно даже приближаться.

— Чэн Цзиньнянь, отпусти меня, я не смогу его спасти.

Чэн Цзиньнянь обеими руками обхватил его лицо, словно балуя маленького ребёнка:

— Цинфэн, ты сможешь.

Гу Цинфэн подумал о ребёнке, жившем под его сердцем, и приоткрыл рот, собираясь заговорить, но тут в тишине внезапно зазвонил телефон Чэн Цзиньняня.

Чэн Цзиньнянь нахмурился: одной рукой он придерживал Гу Цинфэня за плечо, а другой вытащил из кармана аппарат. Судя по тому, как тревожно выглядел Чэн Цзиньнянь, звонили наверняка из больницы.

Гу Цинфэн не знал, что именно ответил собеседник на том конце провода, но заметил, как лицо Чэн Цзиньняня стало темнее тучи. Затем Чэн Цзиньнянь отпустил его, развернулся и

зашагал к выходу. У самой двери он на мгновение оглянулся и, прикрывая трубку рукой, бросил:

— Цинфэн, хорошенько всё обдумай. Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

С этими словами Чэн Цзиньнянь резко развернулся и ушёл.

Обессиленный Гу Цинфэн прислонился спиной к стене. Его ноги постепенно подкосились, и он сполз вниз, опустившись на холодный пол, после чего обхватил голову руками и горько зарыдал.

Цинфэн, не разочаруй меня.

Цинфэн, не разочаруй нас.

С самого детства это были слова, которые Гу Цинфэн слышал чаще всего.

Когда они были маленькими, родители купили ему и Гу Цинчэню одинаковые игрушки. Гу Цинчэн неизменно ломал свою в первые же минуты, а потом требовал чужую.

Маленький Гу Цинфэн не хотел делиться, но родители неизменно говорили:

— Цинфэн, ты же старший брат, должен уступать младшему. Не разочаровывай нас, ладно?

С тех пор он научился во всём идти на компромиссы. Особенно это касалось Гу Цинчэня: чего бы тот ни попросил, Гу Цинфэн отдавал без раздумий. И всё же, несмотря на такие жертвы, родители по-прежнему не любили его.

Гу Цинчэн вовсе не испытывал ни малейшей благодарности за его уступчивость — напротив, он стал ненавидеть брата ещё сильнее, а издевательства с его стороны сделались ещё изощрённее.

Когда-то Гу Цинфэн думал, что встреча с Чэн Цзиньнянем всё изменит. В конце концов, Чэн Цзиньнянь был первым человеком, кто по собственной воле улыбнулся ему, а не Гу Цинчэню.

Ради этой единственной улыбки Гу Цинфэн был готов отдать всё на свете, лишь бы стать ближе к нему.

Кто бы мог подумать, что в конце концов всё обернётся лишь безумным полётом мотылька на пламя.

Чэн Цзиньнянь в итоге всё равно выбрал Гу Цинчэня — точно так же, как много лет назад, когда Гу Цинчэн увёл Чэн Цзиньняня и бросил ему в лицо:

— Гу Цинфэн, оставь надежду. В этой жизни ты недостойн со мной тягаться. Пока я существую на этом свете, тебе уготовано лишь быть моей тенью. Людям достаточно видеть меня, а тебе положено прозябать в темноте угла.

Если судить по сегодняшним событиям, Гу Цинчэн тогда был абсолютно прав.

Ему и впрямь суждено жить в тени. С самого рождения его судьба отличалась от судьбы Гу Цинчэня, ведь он был старшим братом, а значит, был обязан ставить Гу Цинчэня на первое место во всём.

Так было раньше, так продолжалось и теперь, когда он вроде бы вырвался из того дома: от детских игрушек до нынешнего требования пожертвовать собственную почку.

Гу Цинфэн очень хотел спросить их, кем же они его вообще считают, но этот вопрос так и оставался без ответа. Никто никогда по-настоящему не заботился о нём, и никого не волновало, что творится у него на душе.

Гу Цинфэн просидел на полу неизвестно сколько времени. Вокруг уже совсем стемнело, когда он наконец заставил себя подняться.

Из-за того, что он слишком долго просидел на корточках, обе ноги полностью онемели.

Поднявшись, он несколько раз изо всех сил похлопал себя по бёдрам, и в этот момент в гостиной внезапно зазвонил телефон.

Он медленно вышел из спальни, взглянул на экран — звонил незнакомый номер, — и решил не отвечать.

Однако звонки не прекращались, телефон настойчиво разрывался. С неохотой Гу Цинфэн провёл пальцем по экрану и ответил:

— Алло?

В трубке послышался женский голос:

— Цинфэн, это я.

Гу Цинфэн на секунду замер, прежде чем сообразил, кому принадлежит этот голос.

— Здравствуйте, вы что-то хотели?

Отчуждённый тон Гу Цинфэня заставил собеседницу на миг растеряться, но затем она заговорила снова:

— Цинфэн, я же твоя мама...

— Я знаю. Скажите, по какому вы вопросу?

— Цинфэн, я... Твой брат Цинчэн сейчас болен, он в больнице. У тебя есть время? Ты не мог бы навестить его?

Гу Цинфэн даже не задумывался:

— Извините, у меня нет времени.

Видимо, излишне холодная реакция сына лишила женщину остатков напускного терпения, и она сорвалась на крик:

— Гу Цинфэн, у тебя вообще есть хоть капля совести?!

Гу Цинфэн тихонько усмехнулся:

— Пожалуй... нет...

Каждое слово, брошенное женщиной в гнев, казалось пропитанным безграничной злобой:

— Я носила вас двоих под сердцем целых десять месяцев, я вырастила вас и считаю, что ни в чём перед тобой не провинилась, относилась к тебе со всей душой! Что же превратило тебя в такое чудовище?!

— Разве вы все не должны знать ответ на этот вопрос лучше меня? Разве то, каким я стал, не результат ваших собственных трудов?

Гу Цинфэн беззвучно усмехнулся и продолжил:

— Вы ведь позвонили мне вовсе не для того, чтобы я навестил его в больнице, верно? Ваша истинная цель — моя здоровая почка!

Он отчётливо услышал, как дыхание женщины на том конце провода вмиг участилось. Спустя

мгновение она произнесла:

— Раз уж тебе всё известно, я не буду ходить вокруг да около. Организм Цинчэня сейчас крайне ослаблен. Врачи говорят, что без пересадки почки ему осталось жить всего несколько лет... Цинфэн, ради всего святого, раз уж я родила и вырастила тебя, пожертвуй почку своему брату, хорошо?

Честно говоря, даже сейчас, столкнувшись с женщиной, которая дала ему жизнь и воспитала, Гу Цинфэн почувствовал, как в груди шевельнулось прежнее мягкосердечие. Он тихо произнёс:

— Я ведь тоже твой ребёнок. Разве ты не боишься, что со мной что-то случится?

— Нет, что ты, Цинфэн, ничего не случится! Я консультировалась с врачом — подумаешь, потерять одну почку, на твоей нормальной жизни это никак не отразится. Умоляю тебя, сделай это ради мамы, ладно? Твой брат такой талантливый парень, ты ведь не хочешь, чтобы он погиб?

Какую же кармическую ошибку я совершил?

— Подумаешь, потерять одну почку? — Гу Цинфэн горько повторил эти слова про себя. — Раз всё так просто, почему вы с папой не попробуете сами? Насколько мне известно, вероятность успешной совместимости у биологических родителей тоже очень высока.

Услышав это, женщина на другом конце провода опешила, а затем заговорила с заметной паникой в голосе:

— Цинфэн, мы с папой уже в возрасте! Ты ещё молод, после операции быстро восстановишься, для тебя это не составит никакого труда.

Слушая слова родной матери, Гу Цинфэн больше не чувствовал боли в груди. В конце концов, за годы взросления в его сердце вонзили уже слишком много стрел.

Видя, что он молчит, женщина снова затянула:

— Цинфэн, в детстве ты всегда был таким послушным мальчиком. Послушай маму и в этот раз, хорошо?

Гу Цинфэн невольно горько усмехнулся, ощутив, как к горлу подступает жгучая горечь:

— Мама, я не могу его спасти. Не потому, что я не хочу... я просто не могу.

Не успел Гу Цинфэн договорить, как в трубке раздался разъяренный вопль женщины:

— Какую же скверну я навлекла на свою голову, раз родила такое неблагодарное животное! Цинфэн с малых лет рос послушным и разумным, а от тебя сплошные проблемы и неприятности! Почему болееешь не ты?! Почему на твоём месте не умер ты?!

Услышав это, Гу Цинфэн окончательно выжгся дотла, избавившись от последних крошечных ростков вины в своей душе.

Он с трудом подавил горечь, подступившую к горлу, и произнёс:

— Наверное, это потому, что он совершил слишком много зла, и небеса карают его по заслугам.

— Что ты сказал?! Повтори-ка ещё раз! Мой Цинчэн с детства был ангелом! Если кто здесь и творит зло, так это ты, ты...

Не дожидаясь, пока она закончит, Гу Цинфэн отвёл телефон от уха и просто нажал кнопку сброса.

После завершения вызова в голове Гу Цинфэня наконец воцарилась относительная тишина.

Он тяжело потёр виски, но не успел он побыть в покое и нескольких минут, как телефон зазвонил снова.

На этот раз звонил Чэн Но.

Сегодня Чэн Но спешно ушёл сразу после того, как привёз его домой. Гу Цинфэн принял вызов и участливо спросил:

— У тебя всё в порядке?

Чэн Но ответил:

— Да. Просто возникли срочные дела, я даже толком не попрощался с тобой. Ты как дома, не чувствуешь себя хуже?

— Нет. — Гу Цинфэн вспомнил всё, что произошло за сегодняшний день, и покачал головой. — Я в порядке, всё хорошо, спасибо, что беспокоишься.

Хотя в словах Гу Цинфэня звучало заверение, что всё в порядке, Чэн Но отчётливо уловил в его

голосе нотки усталости.

Изначально Чэн Но планировал пригласить его поужинать вместе, но, услышав эту усталость в голосе, тут же передумал.

— Ты ведь ещё не ужинал, верно?

— А?

Чэн Но улыбнулся на том конце провода:

— Подожди меня. Только не забудь открыть дверь.

Гу Цинфэн замер с телефоном в руке, совершенно не понимая, что всё это значит.

<http://bllate.org/book/20420/2039751>